

с. 3.

Без подписи;

не Эдуард М...?

«ТРИ СЕСТРЫ».

Новая драма А. П. Чехова, о судьбе которой весь сезон столько гаданий, противоречивых толков, в газетах чуть не бюллетени,—окончена.

Автор сам не ждал, что справится с «Сестрами» так быстро. Несколько раз рѣшал отложить на время эту работу, потом, увлекаемый творческим процессом, брался за нее снова. Художественные образы являлись, но дать им окончательную форму не удавалось. Были и некоторые случайные причины, побуждавшие А. П. не откладывать окончания пьесы и дать ее русской сцене в этом же сезоне.

Вчера Чехов отдал последние детали последнего акта «Трех сестер», вечером вручил его рукопись Художественно-общедоступному театру, и на днях театр приступит к подготовительной работе по постановке пьесы. Постановка отыщется вблизи с небольшими, в Малом театре Москва увидит новый чеховский шедевр.

А что «Три сестры» — шедевр, может быть, лучший из произведений Чехова для театра, и могу сказать с полной уверенностью. Вчера же я видел возможность познакомиться с «Тремя сестрами» и получил разрешение познакомиться с ними лично читателей.

Конечно, приходится ограничиться лишь общими чертами. Самая пьеса — такого характера, что обстоятельный, с деталями, рассказ о ней — дело весьма мудрое, пожалуй, — невозможно. Потому что все сила и интерес «Трех сестер» — не в их фабуле, которая, как всегда у Чехова-драматурга, незначительна, без сложных витиваний интриги, даже почти неуместна, а в ее: «длинных», которые можно почти формулировать, нормальных положений, «силе», как любить говорить. Весь великий интерес и покоряющая прелесть — в общей атмосфере, нравственной и бытовой, в которой живут три сестры Прозоровы и окружающие их, в колорит пьесы, еще больше — в ее поразительно напряженности построения. В этой атмосфере «Три сестры» — родные сестры и «Дядя Ваня».

и «Чайки», так же, как и они, подчиняют душу читателя, зрителя, обдают ее мучительной, острой тоскою. Потому что в «Трех сестрах» Чехов — глубокий pessimist, с pessimismом безысходным, так сказать — непосредственным, завладевшим самыми недрами его души. Его pessimism — не философский тезис, но искренний психический строй, точно сложившийся среди сумерек восточной будней и скрашиваемый лишь глупыми поэтическими чувствами: pessimism не может убить лиризма...

В первом акте «Трех сестер» кажется еще звучать мажорными нотами, хотя уже и тут чувствуется, что вот-вот они заглушатся, и все сольется в унылом виворном аккорде, что это — последние всплески. Из не совладать с наполняющим отовсюду мраком безнадежной, пошлой, лишенной смысла, яркого чувства и мечты жизни.

С первого же явления мы знакомимся со всеми тремя сестрами, Ольгой, учительницей гимназии, Машей, женой учителя гимназии, и Ириной, молодой, 20-летней девушкой. Они — дочери генерала, год назад умершего; прекрасно воспитаны, образованы, с благородными натурами, которых тянет к жизни светлой, радужной, содержательной. Хочется истинного и искреннего счастья и влюбиться, что оно — не сказка выходящая из детства, но возможно и теперь. За окнами — весна, и отблески ее — в сердцах трех сестер, особенно Ирины. Но они уже десять лет живут в глухом провинциальном городе, и главная их мечта — поскорее вырваться отсюда на свежий воздух большого города. Москва, где они родились, где университет, куда готовится профессор их старший брат Андрей, — вот главная их мечта. Москва для них, как для всей русской провинции — символ культуры, жизни осмысленной и полной немедленным теплом. Я не спроста сказал это слово — символ. Мечта о Москве красной нитью тянется через всю пьесу. К ней возвращаются в кошмары наибольшей сумеречной сумятицы в прозаическом доме, и она даже для того, кто не наклонен видеть в изображении Че-

топа обобщения русской жизни, вельможа выросла до значения широкого символа. И от того, что не лучшее в трех сестрах ушло в эти мечты о Москве, такую призрачную, обманчивую, для нас, поскитней, давно растерявшую все свои изыскательные краски, — жизнь — большое скорбью. Мечта — бы обманула, если бы и сбылась. Но она и не сбывается. Она будет с каждым днем казаться все неосуществимее, и последние краски жизни трех сестер, грех и норма, будут все впадать и блекнуть под напором непобедимых мелочей жизни, главного сдвигания случайных фактов и общего мрака уныния. Счастия, надежды, восторга, проснувшейся юности, от хитрой инстинктивности, хоть младшей из сестер, Ирины, кажется, что загадка активной жизни разгадана. Разгадка — в труде. «Человек должен трудиться, работать в поте лица, кто бы он ни был, и в этом единственно заключается смысл и цель его жизни, его счастья, его восторга!»... Но одна Ирина думает так... Из этого — последнее убежище отчаяния от безнадежности. Бездна надежды. Во втором акте Ирина до ужаса работает на телеграф, в третьем — в последней удрав, — но не дает этого труд «счастья, восторга». Все туго затянута петля жизни. Тупая боль в голове, отчаяние в сердце. Образ Ирины — наиболее печальный из драмы, потому что на все особенно тяжелыми ударами надвигаются суеверия.

Они идут своими печальными чередом, приносят вальские восторги переполнены в жизни германские и даже сгущая общий свой мрак. Не даром один из персонажей «Трех сестер» любить мечтать о том, что будет через двести, триста, тысячу лет, и как тогда устроится жизнь, как хорошо устроится... Как должна быть жизнь, так и безысходная действительность, когда утешаться надо розовыми перспективами на расстоянии тысячелетия.

Вокруг сестер несколько весьма характерных фигур, в особенности все тонко и глубоко уныния, то разрывающегося до грусти, то сгущающегося в тупую тоску. Подполковник Вершинин, которому принадлежат мечты о золотой виле через столетия, у которого жена неоднократно глумится, чтобы досадить мужу, и которому суждено пробудить какую-то нескладную,

широкую любовь в сестре Маше, жена ограниченного, глупо самодовольного учителя Булагина; поручик барон Тузенбах, который кажется быть оптимистом, но от его оптимизма идет жуть, и который влюблен в Ирену, полить о счастье сделаться его женою; штабс-капитан Соленья, тоже страдающий в любви к презирающей его Ирине, застывший, нескладный; военный врач Чебутыкин, выживший и азбуку лодки, завоинный пьяница. Все — те русские люди, которым, говоря словами одного из персонажей этой же пьесы, «в высшей степени свойственны возвышенный образ мыслей, а в жизни они хватают так невысоко».

Враг трех сестер женится на ограниченной провинциальной барышне, легкого, легкомысленной, нейтральной жене, но ситливой, утешившей поспешно прибраться до конца руками. И тут уныние еще больше нависает над пьесой. Муж все больше затягивается тинной будней. Висте по-сковской профессуры — тоска по несбывшейся мечте, по неудавшейся славе, да усиленный картеж, да плачущая скрипка в минуты, когда особенно остро почувствуется действительность. Ольга все больше надрынется в гимназии, Маша, наиболее грубая, но и наиболее цельная из сестер, все ниже сгибается, все больше инстинктивно в слезах и жалости от двойного гнета — наиболее к тупости и любви к полковнику, Ирина все сильнее блекнет в своих лучших нормативных, мечтается в тоске, — и это идет все дальше уходить мечта — Москва. Вершинин все тоскливее мечтает о том, что будет через тысячу лет, туманит все безпомощно спорить с ним и бодрает себя вином, Соленья все сумрачнее влюблен в Ирену. И из всего этого получается все более угнетающая, нескладная будничная столкновенная из-за комнаты, денег, прислуги.

Но вините меня за неопределенность разгадки фибры пьесы. Я предупредил, что определенность тут невозможна. Все — обрывки, как и обрывки вся наша жизнь. Целию, допорительного, до впечатлений подвешенного, до кошмара — лишь общее настроение, которое и символизирует

эти доскучы в целую жизнь... Безысходность жизни, — вот главная тема. И не может быть в ней смысла, — вот печальное резюме.

— А смысл, — спрашивает Маша.

— А смысл? Вот ситг идет. Какой смысл?

Развее что — «В Москву, в Москву, в Москву!», — как кончает Ирина 2-й акт пьесы. Не жизнь уходит, а «никогда мы не пойдём в Москву!», — как говорит та же Ирина в другом месте, и он символ втрь — о труд уже сдвигается другим: «я ненавижу, а презираю труд»...

Разгадка — такая же нескладная на вид, но глубоко правдивая, с медленным выстрелом Соленья в барона, не разрывающая, но еще сгущающая атмосферу тоски, не разрывающая, но углубляющая кошмар жизни.

В Художественном театре трех сестер будут играть: г-жа Савицкая, Киппер и Андреева, Андрей — г. Лужский, Наташу, его жену — г-жа Дилина, Вершинина — г. Станиславский, барона — г. Мейерхольд, Соленья — г. Самойл, доктора — г. Арсень.